

Марина КУЗИЧЕВА

СТРИЖ

Марианна Ионова. Мы отрываемся от земли. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. – 229 с.

Третья по счету книга прозы Марианны Ионовой включает три повести, во всех трех речь идет о любви, и главная героиня – та, что любит, – будто рассыпана между автором и собой. Увидеть границу между ними – может быть, один из первых шагов к пониманию книги.

На первый взгляд кажется, что все это знакомый, старинный лад, – скажем, такой: темное платье, внимательный взгляд, перо в тонких пальцах, еще одна история счастья, ожидания, разлуки. Но, дочитав и закрыв книгу, понимаешь: для такого простого определения это повествование слишком заглублено в мирочувствие в целом, в ощущение жизни – ее прерывистой длительности, ее шагами проживаемых (прошиваемых) пространств. *«И даже протоптанный снег с бежевой сукровицей в следах красивый. Я не хочу говорить “мутная” об этой взвеси, которая по-старинному в улице, как в игрушке-кристалле со снегопадом, и не хочу говорить слякоть о коричневых м миндальных гребнях и проталинах, о вязнущей на каблуках гуще воды».*

Речь прирастает тем, что в мире. Здесь совсем нет тьмы, и все преображено оптикой света – каким-то тихим лучом осмысленного внимания, благоволения, подчас тайны. Если читать медленно, можно заметить, как «световые насечки» наложены на текст.

Музыка фразы здесь также – важная часть ответа. Вопрос же – и тема всей книги – звучит как фоновый гул или рокот.

«Песня» (да не обманет нас простота названия) – многоголосая, цветная, вся – шаг сквозь и одновременно паренье над. В этой повести есть и мир провинциальной музейной усадьбы, и кусочек моря, и Москва – огромный и домашний город. Здесь пеший ход – бесценный дар, и этот дар всегда своеволен, цель же его – приобщение к миру через найденное вдруг сокровенное. *«Помимо квадратного счастья от того, что иду, иду, еще видишь, бывает, перекресток с угловым домом 50-х, и кажется: вот. А что вот? Или стая голубей подыметесь над метро, и вокруг: вот».*

В «Песне» – дворы и улицы старых городских окраин, их неучтенное, рукодельное тепло. Город тих и жив, как ранним утром, в нем волны света омывают самую щербатую материю то щедро, то рассеянно-исподволь. Важен цвет, важна какая-то деталь крыльца, окна, крыши; так всматриваются в лицо прошедшего мимо в раздумьях пешехода. *«Словно грифель растерли и размыли, но откуда бежево-розоватый подголосок? Фасады. Перед ними деревья. Арка во двор».*

Героиня повести порой путешествует на трамвае. Вспомним из «Охранной грамоты» Пастернака: «Трамвай медленно взбирался на Швивую горку. Там есть место, где сперва правый, а потом левый тротуар так близко подбираются под окна вагона, что, хватаясь за ремень, невольным движеньем нагибаешься над Москвой...». Кажется, пастернаковское заглядыванье на Москву, с вечным перемещением планов, воздуха, облаков, со световым таянием резко очерченных границ – в «памяти» городских пейзажей Марианны Ионовой.

И это школа не только виденья, но и языка. Эта речь растет из ткани русской классической прозы, в ее глубинно-родном изводе. Сцепление действия и диалогов свидетельствует о внутренней логике, чувстве текста как целого. При этом повествование в своей свободе иногда сгущается до тесноты стиха, звучит почти верлибром. *«И он закручивается, закручивается, закручивается в воронку, в точку с голосом нахохленным*

клювом миндалевидным глаз песней парусом остроконечным крылом, и я вижу на парапете стрижа».

«Василий-остров» – иной мир. Он облачнее, графичнее, строже. И в этой повести моменты поэтического напряжения входят в сюжет как возвращающаяся тема. Но здесь они окна не в мир, а внутрь себя-голоса, – молитвы-размышления, похожие порой на маленькие хоралы. *«Лица-листья. Прислушаться: улица Лестева. Прислушаться: в каждом имени улицы скрыто безымянное».* А во всей повести скрыто имя Россия, и о ней многое сказано, но так же непрямо, сокровенно.

Третья история – «Мы отрываемся от земли» – после «воздуха» первой и «вод-земли» второй, скорее, – «огненная», хотя и под оболочкой отстраненного (в третьих лицах) повествования.

Он и она, и то, что между ними. Опыт боли и глубоко насущный вопрос о Христе среди нас, выросший не праздно, но из любви и страдания. Боль и вопрошание смогли перелиться в текст, встали не таясь лицом к лицу читателя со всеми приметам живой жизни (а не мертвого теоретизирования, не сахарной эротики) – событие, каких не много в современной прозе.

Снова вспоминается Пастернак, из «Доктора Живаго»: «Но иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось, чтобы она шла в сопровождении некоторой внутренней музыки. Такую музыку нельзя было сочинять для каждого раза самой. Этой музыкой было слово Божие о жизни, и плакать над ним Лара ходила в церковь».

Как живут, о чем говорят между собой душа и дух человеческий, что происходит в их совместном доме, пока мы здесь? Перед нами попытка ответа, да мы и сами все время отвечаем об этом себе, другим, Другому, стараясь не прятать лица.

Вся книга названа по третьей повести: «Мы отрываемся от земли». То, что выговорено, отходит в сторону и смотрит на нас, как отошедшая эпоха. После трагедии приходит молчание, оно хранит семена слов.

«Если погасить речь внутри и только смотреть, перестанешь понимать. То, на что смотришь, таинственнее и проще. Белое поле пруда с людьми. Через поле, мимо людей едет снегоуборочный комбайн.

Человек спит на корточках.

Декабрь. Машины выезжают из золотистой, прохладной кварцевой глубины».